

§7 СВОБОДА МЫСЛИ, СОВЕСТИ, РЕЛИГИИ И УБЕЖДЕНИЙ

Дмитриева А. Г.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕАЛЫ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ 1953–1991 гг.: ВКЛАД ДЕРЕВЕНСКОЙ ПРОЗЫ

Аннотация. Предметом исследования выступают социально-политические идеалы советской литературы 1953–1991 гг., в частности, представителей «деревенской прозы» в литературе. Объектом исследования является история развития советской литературы от первых постсталинских публикаций И. Эренбурга, Ф. Абрамова, В. Померанцева и заканчивая публикациями работ А. Солженицына, В. Набокова, М. Булгакова, А. Ахматовой и др. Анализ «деревенской прозы» позволил подробно изучить процесс пересмотра принципов социалистического реализма в литературе и возрождения «вечных ценностей», повлиявший на политическую атмосферу в СССР. Методология исследования включает в себя анализ литературных работ, академических монографических исследований, исторических источников, а также научных статей. Научная новизна исследования состоит в сравнительном и историческом анализе различных направлений советской литературы, в частности, «деревенской», «городской», «военной» прозы, позволяющий говорить о волнах преемственности и прерывистости советской и российской литературной традиции, их важном вкладе в процесс политической трансформации советского общества и государства.

Ключевые слова: советская литература, самиздат, тамиздат, социалистический реализм, оттепель, деревенская проза, идеология, национализм, городская проза, коллективизация.

Review. The subject of this research is the socio-political ideals of the Soviet literature during the period of 1953–1991, particularly the representatives of the “country prose” in the literature. The object is the history of development of the Soviet literature starting with the very first post-Stalin publications of Ilya Ehrenburg, Fyodor Abramov, Vladimir Pomerantsev, and finishing with the works of Aleksandr Solzhenitsyn, Vladimir Nabokov, Mikhail Bulgakov, Anna Akhmatova, and others. The analysis of the “country prose” allowed us

to thoroughly examine the process of revision of the principles of socialist realism and rebirth of the “timeless values” within the literature that affected the Soviet political atmosphere. The scientific novelty consists in the comparative and historical analysis of the various directions in the Soviet literature, including the “country”, “urban”, and “military” prose, which allows speaking of waves of continuity and intermittence of the Soviet and Russian literature tradition, and their important contribution into the process of political transformation of the Soviet society and government.

Keywords: *urban prose, nationalism, ideology, country prose, thaw, socialist realism, Tamizdat, Samizdat, Soviet literature, collectivization.*

Советская литература 1953–1991 гг. отличалась особыми законами своего развития, в которые были вписаны как регулярные литературные дискуссии, так и внутренний контроль со стороны государства. Относительно свободная литературная мысль концентрировалась в рамках самиздата и тамиздата (литература, написанная в СССР, но изданная зарубежом), а также в эмигрантской среде, но часто попадала в категорию запрещенных литературных изданий. Однако многие писатели-эмигранты считали, что русская литература никогда не была «живой» за пределами России, но и в СССР она не была окончательно искусственной.

Если 1930-е и 1940-е гг. в советской литературе господствовал социалистический реализм, то в первые постсталинские годы он начал постепенно сдавать свои позиции в пространстве советской культуры. К началу 60-х гг. он уже перестал быть «основным методом», поскольку появилось множество других литературных стилей, пробивающихся сквозь монополию социалистического реализма в культуре [1]. Тем не менее, в умах партийных идеологов социалистический реализм оставался действенным методом, и даже в конце 1984 года генеральный секретарь коммунистической партии Черненко призывал писателей вернуться к «положительному герою» как источнику общественного вдохновения.

После смерти Сталина литературная среда еще испытывала опасения относительно возможного усиления контроля партии над литературой, но в 1950-х и начале 1960-х гг. начала происходить литературная «оттепель», дополняемая либеральным общественным запросом и завершившаяся периодом «заморажива-

ния» интеллектуальной свободы и терпимости к инакомыслию.

Первая «оттепель» 1953–1954 гг. была отмечена публикацией критических статей в ведущих литературных журналах, наиболее быстро откликнувшихся на политические реформы. Период получил свое название от романа Ильи Эренбурга, но он характеризовался скорее литературной критикой и публицистикой, а не открытостью и гласностью как тридцать лет спустя во время горбачевской «оттепели». В 1954 году Федор Абрамов критиковал ложность литературных подходов в изображении деревенской жизни в послевоенной России, подвергая отдельной критике некоторые из самых знаменитых романов социалистического реализма. Владимир Померанцев в 1953 году отрицал идеологическую функцию литературы, настаивая на личной интуиции писателя как истинном знаке самостоятельности и аутентичности литературного произведения. Обе статьи были безжалостно раскритикованы в партии и консервативной прессе.

Вторая «оттепель» произошла в 1956 г. и была связана с появлением таких литературных произведений как роман Владимира Дудинцева «Не хлебом единым» и несколькими менее крупными произведениями Александра Яшина и Николая Жданова, которые вызвали определенное беспокойство литературных бюрократов. Но «оттепель» была в очередной раз «заморожена» в результате подавления восстания в Венгрии. Более того, велась кампания дискредитации в отношении Бориса Пастернака после публикации в Италии в 1957 г. его романа «Доктор Живаго», что было ясным знаком того, что партия по-прежнему нацелена на осуществление контроля над литературой.

После проведения XXII съезда партии в 1961 году наступил третий этап «оттепели», начавшийся с выноса тела И.В. Сталина из мавзолея и завершившийся публикацией произведения Александра Солженицына в 1962–1963 гг. – «Один день Ивана Денисовича» и «Матренин двор». В 1962 году появились признаки того, что партия недовольна культурным плюрализмом в литературе. Во время визита Хрущева на выставку модернистского искусства в галерее Манежа он раскритиковал некоторых художников, ассоциируя их с сексуальными извращениями, декадентами и противниками социалистического реализма. Его слова стали интерпретироваться как политический курс партии в области культуры. Судебный процесс по делу молодого поэта Иосифа Бродского в марте 1964 года укрепил мысль о том, что партия еще не была готова принять любое искусство, которое не подчинено его идеологии. С отставкой Хрущева с поста генерального секретаря коммунистической партии в октябре 1964 года политика десталинизации была постепенно свернута, а на ее место встала более жесткая и менее терпимая политика в области культуры. Писатели, художники и интеллигенция были обеспокоены данным процессом, особенно их опасения усилились, когда в 1966 году писатели Андрей Синявский и Юлий Даниэль были приговорены к семи годам лишения свободы за печать под псевдонимами своих критических работ на Западе.

Смерть Сталина разрушила монолитное единство советской литературы. Даже во время различных периодов «заморозков», несмотря на то, что партия и ее идеологи изо всех сил пытались сдерживать новые модернистские течения, «консервативное» и «либеральное» направления литературы продолжали сосуществовать и расширяли круг своих сторонников. В значительной степени культура стала ареной противостояния, на которой власть пыталась ослабить влияние и консерваторов, и либералов в рамках более широкой повестки дня. На протяжении 1950-х гг. появилась серия публикаций прозы Валентина Овечкина, Гавриила Троепольского, Владимира Тендрякова и других авторов, критикующих бедственное состояние сельского хозяйства и низкой социальный уровень рус-

ской деревни, а также призывающих к реформам и изменениям. Именно в этот период такие писатели как Федор Абрамов, Василий Шукшин и Василий Белов начали создавать художественные произведения, находившиеся под сильным влиянием духа «оттепели». В то же самое время консервативный Всеволод Кочетов публикует просталинские и антилиберальные трактаты [2].

Даже в период более показательных репрессий брежневских лет писатели, связанные с деревенской прозой, продолжали раздвигать границы возможного и допустимого в советской литературе. К тому времени как Михаил Горбачев пришел к власти в 1985 году и начал свою политику культурной открытости и идеологического плюрализма, много тем, запрещенных формально, были уже освещены в литературе. Более того, если в 1953 году русская литература была разделена на два идеологических направления – советского и эмигрантского, то к 1991 году это различие практически исчезло. Эмигрантские писатели и их произведения, начиная с первой волны эмиграции, по-прежнему рассматривались как «враждебные», но стали более доступны в печати для советской читающей публики. После 1986 г. эмигрантские писатели стали приглашаться в СССР, встречи между ними и советскими писателями стали официально поощряться, усиливалось общественное обсуждение самой культуры эмиграции. Даже Александр Солженицын был опубликован, в том числе, его наиболее сильное обвинение советской власти – «Архипелаг ГУЛАГ».

Однако еще в 1950-е гг. писатели пытались осмыслить, что же находится за официальной оболочкой значимых общественных событий. Следует отметить, что смерть Сталина относительно мало что изменила в советской литературе в первые годы. Социалистический реализм оставался «основным художественным методом», а подавляющее большинство работ, опубликованных в 1950-е и 1960-е гг. соответствовали установленной официальной идеологии. Даже те авторы, которые стремились раздвигать границы цензуры, такие как Илья Эренбург, Владимир Дудинцев и отдельные писатели, публиковавшиеся в «Литературной Москве», не ставили под сомнение легитимность советской

власти, а просто поднимали вопросы эксцессов сталинского периода, их моральные и духовные последствия для общественного развития.

Доминирующим мотивом постсталинской литературы 1950-х гг. было открытие простых человеческих ценностей и эмоций, стремление к новому и более гуманному обществу. Работы, которые критиковали сталинское наследие, могли не просто осудить жесткие способы управления, но и призвать к большей терпимости и человеческому взаимопониманию. Стал ясен отход от идеологии, вновь в свои права вступили маленький человек и простые радости жизни. Это хорошо видно в книге Владимира Солоухина «Владимирские проселки» 1958 г., одновременно утверждающей радости и красоты нетронутой русской природы вдали от крупных городов, но и повторно открывающей дореволюционное прошлое России [3].

Одной из первых работ, поставивших под сомнение основы советской власти, был «Один день Ивана Денисовича» Солженицына, который не только обнажил сырые факты жизни заключенных в ГУЛАГе, но и показал, что он стал настоящей системой в системе. В процессе строительства социализма советские люди строили, в том числе, свои же тюрьмы. Потом вышел рассказ «Дом Матрены» Солженицына, который раскритиковал опустошение сельских хозяйств в процессе коллективизации в конце 1920-х гг. и продемонстрировал силу вековой русской духовности и ее моральных качеств. Последняя работа часто рассматривается как своеобразное вдохновение для развития деревенской прозы в последующие годы.

В СССР культура была всегда связана с политикой, однако при Сталине политика направляла творческий процесс. После смерти Сталина культура стала стимулом для критической дискуссии, которая впоследствии заново открыла себя в качестве источника общественного мнения [4]. Антисталинские мотивы в поэзии Евгения Евтушенко в 1950-е и 1960-е гг. предупреждали об опасности возврата к старым порядкам. Поэзия Александра Галича, Булата Окуджавы и Владимира Высоцкого достигла огромной аудитории и вдохновила целое поколение молодых людей своей доступностью и кажущейся про-

стойкой. Популярны пьесы Эдварда Радзинского и Виктора Розова затрагивали актуальные проблемы отчуждения молодежи, моральной и духовной стагнации, но в связи с официальным контролем за репертуаром театра не могли идти дальше, чем социальная критика.

Возможно, самым важным аспектом культурного возрождения 1960-х гг. было открытие прошлого. Большой вклад в это внесла публикация в первой половине 1960-х гг. воспоминаний Ильи Эренбурга под названием «Люди. Годы. Жизнь», которые познакомили молодое поколение советской интеллигенции с важными именами, о которых они имели недостаточное представление: Марина Цветаева, Осип Мандельштам, Всеволод Мейерхольд и другие.

Именно в этой области казалось, что художественная литература направляет общественный интерес. Деревенская проза появилась как отдельное литературное направление, которое было воспринято в качестве социальной критики той сельскохозяйственной практики управления, которая сложилась к 1950-м гг., и как живое изображение святой России, еще незараженной материализмом и городской культурой. Работы Сергея Залыгина, Василия Белова начали обсуждаться открыто, поднимая впервые в общественном сознании перекосы и несправедливость коллективизации, а также создавали атмосферу, в которой вопросы исторической значимости не могли быть проигнорированы. Коллективизация стала популярной темой для писателей деревенской прозы – Василия Белова, Бориса Можаева и Владимира Солоухина.

Деревенская проза стала значимым явлением в литературе не только благодаря своим открытиям важных областей исторического наследия, но и благодаря непредвзятому обсуждению настоящего. Если социалистический реализм подчеркивал доминирование человека и завоевание мира природы, то деревенская проза была представлена в лирических, смиренных образах созерцательного человека. В 1970-х годах восторг от природного мира стал заменяться заботой о нем. Виктор Астафьев и Валентин Распутин описывали негативные последствия попыток советского человека переделать мир, прежде всего, по идеологиче-

ским критериям для своего духовного и физического благополучия.

Писатель Василий Шукшин является ярким представителем деревенской прозы. Развивая тему деревни и вечных ценностей, Шукшин рассматривал деревню с любовью, которая имела иронический оттенок, так как он особое внимание уделял неправедным людям, деревенским «чудикам» и эксцентрикам, которые вполне были вписаны в традиции и ход времени. Одной из любимых ситуаций в произведениях Шукшина стал скандал, который вписан в структурированный деревенский мир, даже если герои иногда мечутся между городом и деревней в поисках меры личной свободы в настоящем.

Политическая непосредственность русского национализма коснулась многих писателей деревенской прозы в конце 1980-х гг. Связь между деревенской прозой и данным явлением поляризовала читателей в России. Поклонники Распутина настаивали на его невинности так же, как и сторонники Солженицына или Достоевского защищали их от обвинений в предвзятости. Другие, особенно представители «третьей волны» эмиграции, стремились ассоциировать всю деревенскую прозу с проявлениями национализма. Важно осознать потенциальную связь деревенской прозы и всей постсталинской литературы с ростом национализма в России. Писатели либерального толка Юрий Афанасьев, Сергей Ковалев, Сергей Залыгин и другие не подтверждали прямой связи между деревенской литературой и национализмом в России, но давали основание полагать, что новое прочтение их произведений поможет глубже понять ту среду, в которой развивался национализм.

В таких условиях важно отметить, что деревенская проза как литературное направление, начав развиваться в середине 1950-х гг., в основном закончилось в конце 1970-х гг. и завершилось окончательно в конце 1980-х гг. Причем ее закат был связан не только с кризисом самого направления, но и с кризисом советской и западной литературы в целом. «Деревенщики» разделились как группа: одни писали о деревне, другие о городской жизни, ее особой окружающей среде и о других сюжетах. Некоторые из них, Астафьев, Белов и Распутин, сделали публичные

заявления с национальным подтекстом, хотя данные заявления не находили места в их литературных трудах. Возможно, речь шла о ностальгии по деревенскому прошлому России, которая выливалась в публичное разочарование относительно СССР, архитекторов Октябрьской революции, коллективизации, разрушившей деревенскую «душу России», а также «революционной» Перестройки.

Если в XIX веке идеалистическая новелла Гончарова «Обломов», рассказы Тургенева о дворянской жизни стали политизированной критикой социальной реальности и внесли свой вклад в формирование революционной ситуации в России, то во второй половине XX века деревенская проза выступила в схожей роли. Однако тот факт, что представители данного направления уже на политическом поприще делали заявления с национальным подтекстом, мог дискредитировать целое литературное направление и подстегнуть дискуссии относительно роли литературы в политике.

Если многие аспекты литературного процесса в России со времен Октябрьской революции по-своему уникальны, то темы деревенской прозы сами по себе универсальны. Любая страна, которая столкнулась с необходимостью быстрого движения со всеми трагическими потерями и вызовами от преимущественно сельского социально-экономического уклада к более урбанизированному и индустриализированному укладу, проходит приблизительно тот же путь что и Россия.

Еще одной темой, наравне с темой деревни, в 1960–1970-е гг. стала тема Великой отечественной войны. И хотя такие писатели как Иван Стаднюк выражали просталинские настроения и описывали подвиги и жертвы, принесенные советским народом на алтарь Победы, другие, такие как Василий Быков, показывали, что конфликты и потери прошлых имеют далеко идущие последствия для настоящего. Быков показывал мрачную сторону войны, изображал трусость, несправедливость и предательство на войне.

Критику относительно советской действительности выражал в своем творчестве также представитель так называемой городской прозы Юрий Трифонов. Он был обеспокоен мораль-

ной дилеммой послевоенной интеллигенции, показывая, что ценой получения материального достатка и статуса был моральный компромисс. В его московских рассказах 1969–1975 гг. он показывал слабых, колеблющихся интеллектуалов, которые либо капитулировали перед циничным материализмом, либо измелчали. В своих последних работах он стал все более откровенным, а в «Доме на набережной» 1976 г. нарисовал мрачную картину посредственности, которая процветала при Сталине через осуждение других. В последующих работах он анализировал прошлое, Революцию и Гражданскую войну, стремился отыскать утраченный идеализм и ценности, которыми обладали старые большевики [5].

К 1970-м гг. советская литература находилась в основном в состоянии диалога с самой собой. На ее содержание оказали такие внешние события как венгерское восстание 1956 года, отставка Хрущева в 1964 году и вторжение в Чехословакию в 1968 году. Было заметно разочарование интеллигенции перспективами либерализации политической системы, часто граничащее с отчаянием. Политические репрессии, сопровождающие политическую либерализацию, также нашли свое отражение в литературной культуре.

Заслуживает внимание такой вопрос советской культурной жизни как присуждение престижной Ленинской премии в 1979 году Брежневу за его автобиографическую трилогию «Малая земля», «Возрождение» и «Целина», опубликованную тиражом в несколько миллионов экземпляров в 1978 году. Все три произведения были почти идеальными примерами социалистического реализма со стереотипными персонажами и сюжетными линиями. В результате в СССР обострились отношения между теми писателями, которые боролись против сохранения духа десталинизации, и теми, кто пытался его сохранить в виде идеологической гегемонии.

В 1970-е гг. цензура и идеологическая бдительность стали усиливаться. В 1979 году группа писателей, в том числе, Андрей Битов, Евгений Попов, Фазиль Искандер и Василий Аксенов пытались опубликовать альманах «Метрополь» без разрешения Союза писателей. В альманах

вошли произведения Попова, Аксенова, Алешковского, Высоцкого и Вознесенского. За свое участие в альманахе Аксенов был вынужден покинуть страну, а Попову запретили дальнейшую публикацию. Тем не менее, споры вокруг альманаха подтверждали, что авторы достигли определенной степени известности, которая ускользала от них. Альманах был немедленно распространен среди заинтересованных читателей через самиздат.

В 1960-х и 1970-х гг. получило свое распространение явление, которое могло возникнуть преимущественно в тоталитарном государстве: самиздат и тамиздат. Они охватывали не только художественную литературу, но и дневники, критические статьи и т. д., авторы которых часто и не намеревались их официально опубликовать. Такими литературными произведениями, которые распространялись по всей стране стали все сочинения Солженицына, «Москва-Петушки» Венедикта Ерофеева, «Жизнь и необычайные приключения солдата Ивана Чонкина» Владимира Войновича, «Верный Руслан» Георгия Владимова и другие. В результате в самиздате было опубликовано большинство подобных работ, хотя они также появлялись и опубликовывались на Западе. Это называлось тамиздатом, то есть буквально «книгами, изданными там».

В литературной среде СССР происходила фундаментальная борьба за душу русской культуры. Как литература Советского Союза, так и литература эмиграции соперничали за право быть истинным наследником русской классической традиции. К середине 1970-х гг. наиболее известные русские писатели XX века жили за рубежом: Набоков, Бродский и Солженицын. После смерти Набокова в 1977 г., последнего представителя литературы эмигрантской России, ряды эмигрантов пополнились «третьей волной» эмиграции, включая таких представителей послевоенной творческой интеллигенции как: Василий Аксенов, Сергей Довлатов, Александр Зиновьев и многие другие. К середине 1980-х гг. русская эмиграция могла похвастаться даже более авторитетными творческими талантами, чем те, что остались в СССР.

Одним из ключевых произведений советской литературы 1970-х гг. был «Пушкинский

Дом» Андрея Битова 1978 г. Хотя он был опубликован в России только в 1987 году, роман представлялся Набокову продолжением русской литературной традиции, отрицавшим, что после 1917 г. наступил перерыв в русском литературном процессе. Упор в нем делался на преемственности и эволюции. Роман Битова подготовил почву для повторной интеграции советской и эмигрантской культур, которая началась при Горбачеве.

Снятие партийного контроля с культуры, которое сопровождалось приходом к власти Горбачева, было важным для читающей публики явлением и критическим процессом для литературных идеологов. Гласность начиналась достаточно осторожно с публикации в 1986 г. стихов антисоветски настроенных авторов Николая Гумилева и Владислава Ходасевича, романов Владимира Набокова, а также некоторых произведений из его поэзии и литературной критики. Были также опубликованы основные произведения писателей предшествующих десятилетий XX века: повесть «Собачье сердце» Михаила Булгакова, антиутопические произведения Андрея Платонова, поэма «По праву памяти» Александра Твардовского, поэма «Реквием» Анны Ахматовой [6].

Еще одной особенностью стало появление ранее запрещенных в СССР произведений тех писателей, которые все еще проживали в Советском Союзе. Они включали произведения Сергея Антонова, показывающего коллективизацию с точки зрения ее городских активистов; «Белые одежды» Владимира Дудинцева, своеобразного отчета о преследованиях советских биологов в конце 1940-х гг. и роман «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, касающийся начала сталинских репрессий и лиц, которые принимали в них участие или пострадали от них. Эти работы породили надежды, что оттепель 1980-х гг. не завершится публикацией лишь нескольких отдельных авторов, как это было раньше. Более того, эта оттепель пошла гораздо дальше, позволив опубликовать новых малоизвестных советским читателям авторов, в том числе, из эмиграции: Леонида Добычина, Михаила Осоргина, Бориса Поплавского и др. Действительно казалось, что русская культура возвращает свою целостность.

В 1988–1989 гг. гласность приобрела качественно иной аспект с публикацией «Доктора Живаго» Пастернака, а также романов Василия Гроссмана «Жизнь и судьба» и «Все течет». Работы Гроссмана бросали вызов всему зданию марксизм-ленинизма. Они настолько сильно критиковали советское Политбюро, что еще в начале 1960-х гг. «Жизнь и судьба» была запрещена к публикации. Было ясно, что советская литература, если она может адаптироваться и выжить, никогда не будет такой как прежде. Кроме того, 1989 год также застал возрождение произведений Солженицына в советской печати вместе с работами других бывших диссидентов. Оказалось, что несколько лет культурной свободы оказали деморализующее и ослабляющее влияние на тоталитарную систему.

Наряду с культурным возрождением были и другие процессы. Национализм в его различных формах начал поднимать голову с 1960-х гг., особенно в работах некоторых писателей деревенской прозы, которые опирались на журнал «Наш современник». Писатели деревенской прозы, писавшие в 1980-е гг., получили возможность выражать свои взгляды, публикуя работы антимодернистской направленности, например, «Пожар» Валентина Распутина, «Печальный детектив» Виктора Астафьева, «Все впереди» Василия Белова. Белов продолжил цикл романов о коллективизации под общим названием «Кануны» и «Год великого перелома», начатые в 1972 году, с последующей доработкой в 1987 и 1989 гг., которая сделала их еще более критическими.

На рубеже 1980–1990-х гг. советское государство не смогло адаптироваться к фундаментальным политическим и экономическим трансформациям. Ситуация стала меняться очень быстро, не в последнюю очередь, за счет активной роли писателей и важности написанных ими произведений. Роль «толстых» журналов, которые на протяжении 150 лет были основной площадкой публикации литературных произведений, также стала меняться. В первые месяцы гласности стали ежемесячными под давлением «либеральной» среды журналы «Новый мир», «Огонек», «Дружба народов» и «Знамя». Такие журналы как «Москва», «Нева» и «Ок-

тябрь» были отмечены более консервативными публикациями.

Преобразования в советской культурной жизни в конце 1980-х гг. имели много последствий, большинство из которых были положительными, но некоторые, как и возрождающийся национализм, стали основанием для беспокойства. Кроме того, появились новые авторы, такие как Сергей Каледин, Валерия Нарбикова и др. Более значительными были «новые» голоса старших писателей, которые получили возможность публично выражать свою точку зрения. К ним относятся Людмила Петрушевская, Владимир Маканин и Евгений Попов.

1991 год стал поворотным пунктом в истории России. Русская культура также претерпела глубокие и необратимые преобразования. Если борьба постсталинского периода была наполнена творческой работой писателей и стремлением получить большую свободу выражения мнений, то в конце 1980-х гг. и начале 1990-х гг. политическая необходимость подчинить творческий импульс требованиям государства не смогла реализовать себя вследствие усиливающейся гражданской ответственности. С исчезновением тоталитарного общества и развитием демократии писатели более не могли рассматривать себя как моральные учителя своего народа, так как был отчасти преодолен прежний разрыв между правителями и управляемыми. Виктор Ерофеев объявил даже о «поминках» советской литера-

туры в 1990 году. Кроме того, в постиндустриальную эпоху писатель должен конкурировать с различными формами развлечений и механизмами подачи информации за внимание все более избирательной и информированной читающей публики.

В СССР же к концу 1980-х годов противоречия между свободным развитием литературного процесса и потребностями однопартийного государства стали непреодолимыми. Если в 1953 г. государственный идеологический аппарат доминировал в литературе, то в дальнейшем литература сыграла решающую роль в его поражении. К 1991 году идеология в культуре сошла на нет. Важнейшими темами 1990-х гг. стали возвращение к природе, память о прошлом и исправление исторической несправедливости, призыв к общечеловеческим ценностям. Они были направлены на недопущение экспансии политики и идеологии в литературу. Последние несколько лет коммунистического режима были довольно противоречивыми, когда произведения из прошлого появлялись рядом с работами новых писателей, а социалистический реализм соперничал с модернизмом и постмодернизмом, когда конкурирующие политические идеологии смогли услышать о себе и друг о друге через литературные работы. Главной особенностью того времени стало то, что один мир закончил свое существование, а другой, который мог бы заменить его, еще не возник.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Кузнецова С. В., Ревякина И. А. Современная русская советская литература 60–80 годов. М.: Просвещение, 1984. – 432 с.
2. Ершов Л. История русской советской литературы. М.: Высш. шк., 1988. – 656 с.
3. Демина Л. Эволюция конфликта как идейно-эстетической категории в русском литературном процессе 50–60-х годов XX в. – М.: Прометей, 2001. – 304 с.
4. Симонов К. М. Глазами человека моего поколения. Размышления о И. В. Сталине. – М.: Книга, 1990.
5. Добренко Е. А. Сталинская культура: двадцать лет спустя // Независимый филологический журнал, 2009, № 95.
6. Кондаков И. Наше советское «все» (русская литература XX века как единый текст) // Вопросы литературы. Июль-август, 2001.
7. В. А. Осейчук Об идеале и конституционно-правовом аспекте модернизации российского государства // Право и политика. – 2012. – 12. – С. 1982–1989.
8. Угрин И. М. Категория «имперского»: философский анализ // Философия и культура. – 2014. – 11. – С. 1584 – 1591. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.11.11054.

9. Т. И. Мицук «Гляди – он доктор философии...»: особенности интеллектуальной прозы В. Кантора (на примере сборника «Наливное яблоко») // Культура и искусство. – 2012. – 4. – С. 95–99.
10. Л. А. Сидорова Школы в советской исторической науке: традиции и особенности // Исторический журнал: научные исследования. – 2012. – 3. – С. 14–23.
11. Шагиахметов М. Р. Политика и общество: шаг вперед, два – назад // Социодинамика. – 2013. – 10. – С. 52–73. DOI: 10.7256/2409-7144.2013.10.313. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_313.html.

REFERENCES

1. Kuznetsova S. V., Revyakina I. A. *Sovremennaya russkaya sovetskaya literatura 60-80 godov*. M.: Prosveshchenie, 1984. – 432 s.
2. Ershov L. *Istoriya russkoi sovetskoi literatury*. M.: Vyssh. shk., 1988. – 656 s.
3. Demina L. *Evolyutsiya konflikta kak ideino-esteticheskoi kategorii v russkom literaturnom protsesse 50–60-kh godov XX v.* – M.: Prometei, 2001. – 304 s.
4. Simonov K. M. *Glazami cheloveka moego pokoleniya. Razmyshleniya o I. V. Staline*. – M.: Kniga, 1990.
5. Dobrenko E. A. *Stalinskaya kul'tura: dvadtsat' let spustya* // *Nezavisimyi filologicheskii zhurnal*, 2009, № 95.
6. Kondakov I. *Nashe sovetskoe «vse» (russkaya literatura XX veka kak edinyi tekst)* // *Voprosy literatury*. Iyul'–avgust, 2001.
7. V. A. Oseichuk *Ob ideale i konstitutsionno-pravovom aspekte modernizatsii rossiiskogo gosudarstva* // *Pravo i politika*. – 2012. – 12. – С. 1982–1989.
8. Ugrin I. M. *Kategoriya «imperskogo»: filosofskii analiz* // *Filosofiya i kul'tura*. – 2014. – 11. – С. 1584–1591. DOI: 10.7256/1999-2793.2014.11.11054.
9. Т. И. Мицук «Гляди – он доктор философии...»: особенности интеллектуальной прозы В. Кантора (на примере сборника «Наливное яблоко») // *Культура и искусство*. – 2012. – 4. – С. 95 – 99.
10. Л. А. Сидорова *Shkoly v sovetskoi istoricheskoi nauke: traditsii i osobennosti* // *Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya*. – 2012. – 3. – С. 14–23.
11. Shagiakhmetov M.R. *Politika i obshchestvo: shag vpered, dva – nazad* // *Sotsiodinamika*. – 2013. – 10. – С. 52–73. DOI: 10.7256/2409-7144.2013.10.313. URL: http://www.e-notabene.ru/pr/article_313.html.